

ЛАУРЕАТЫ
СТАЛИНСКИХ
ПРЕМИЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Тарасова и Хмелев

ТАРАСОВА впервые появилась на сцене Художественного театра бойрышей в «Царе Федоре» и затем на шесть лет скрылась в толпе статистов, чтобы в 1922 году выйти на сцену Грушевской в «Братьях Карамазовых». Дебют в этой труднейшей роли был так удачен, так бесспорно обнаружилось в нем яркое, самобытное, горячее дарование молодой артистки, что ей поручили в заграничной поездке театра целую вереницу ролей, одна другой ответственней: Аня («Вишневый сад»), Соня («Дядя Ваня»), Саша («Иванов»), Ирина («Три сестры»), Настя («На дне»).

В том же 1922 году молодой актер 2-й студии МХАТ Хмелев впервые выступил Обгем в «Синей птице» на основной сцене театра.

В 1925 году А. К. Тарасова и Н. П. Хмелев впервые встретились в одном спектакле — в «Пугачевщине». Тренев: Тарасова явилась в образе казачки Устины, жены Пугачева, Хмелев вышел на сцену крестьянином Мареем. В картинах народной трагедии (так назвал Тренев свою пьесу) эти образы в своей суровой простоте и неподкупной правде были одними из самых народных по духу и по форме.

В том же сезоне оба молодых артиста из второй смены Художественного театра встретились вновь — и опять в пьесе, требовавшей чуткого внимания к народной речи, к живленному дыханию простого рус-

ского человека былых времен. Это была комедия Островского «Горячее сердце», поставленная Станиславским. И у обоих исполнителей — у молодой, отбывающей право на счастье Параша (Тарасова), и у старика-дворника Силана (Хмелев) — билось одно горячее сердце, не переспявшее неправды человеческой и никогда не остывающее в светлой любви к человеку.

В следующем году Тарасова с Хмелевым опять вместе вышли на сцену: она — Еленой, он — Алексеем Турбиным в пьесе М. А. Булгакова «Дни Турбиных». Как далеки эти образы от тех, которые Хмелев и Тарасова довели до воплощения в предыдущих спектаклях! Там были люди из народа, здесь — отщепенцы, оторвавшиеся от своего народа, оставившие его в тот год, когда он справлял праздник своего возрождения. Они горько и бесплодно переживают тоску своего добровольного одиночества-отлучения.

Еще через год Хмелев и Тарасова вновь встретились на сцене — и опять в пьесе, во всем противоположной только что сыгранной. Это был достопамятный спектакль «Брошеподезд 14-69». Хмелев же играл и не «представлял» подпольщика-большевика Пеклеванова. На сцене не чувствовалось такой «роли». Была правда глубокого революционного героя, укрытого в такую простоту слов, в такую непосредственность, в такую неисчерпаемую сер-

дечность заботы о народе, что оставалось подумать и почувствовать одно: «Вот такими руками, при бинии вот такого сердца, как у этого Пеклеванова, куетса золото народной свободы». А подле этого Пеклеванова была его жена, его Маша (Тарасова), преданный друг и сердечный товарищ, верный до конца.

Обычно такое исполнение, какое было у Тарасовой и Хмелева в «Брошеподезде», называют дуэтом. Нет, неуместны тут музыкальные термины. Это был не дуэт, это была жизнь душа в душу, «сердце в сердце». Единый трепет — то лирический, то трагический — этой общей жизни чутко воспринимался зрителем.

В двух последующих встречах Тарасовой и Хмелева было наоборот: встреча на узкой жизненной дорожке, встреча, после которой расходятся врагами.

Так разошлись врагами артистка Татьяна (Тарасова) и товарищ прокурора Скроботов (Хмелев) во «Врагах» Горького. Их жизненные пути пересеклись на минуту, чтобы разойтись навсегда: Хмелев, развертывая характер Скроботова, накопляет в нем к концу пьесы черты, из которых сложится фигура политического врага, объявившего войну рабочему классу. Тарасова раскрывает жизнечувствие Татьяны так, что видно, как из этой умной женщины рождается друг рабочего класса, горячий сторонник его новой правды, несомой человечеству.

Участие Тарасовой и Хмелева в «Анне Карениной» (1937 г.) у всех в памяти. Встреча Анны с Карениным так, как ее передает Тарасова и Хмелев, — это «поединок роковой» между правдой свободного чувства и сухим бессердечием ветхого закона, между живой истиной

сердца и холодной жесткостью общественного лицемерия.

В этой частной драме из семейного быта Хмелеву и Тарасовой удалось отразить иную, несравненно более обширную и напряженную драму — многовековую драму великого народа, рвущегося к свободному бытию и зажатого в оковы омертвевшей старой государственности.

Искусство Хмелева и искусство Тарасовой слились в «Анне Карениной» в единое мастерство мужественной правды. Оба артиста после «Анны Карениной» были почтены званием народных артистов СССР.

После этой высокой награды произошла еще одна встреча Тарасовой и Хмелева — в «Трех сестрах» Чехова в 1940 г. В пьесе Чехова между Машей (Тарасова) и Тузенбахом (Хмелев) — мало общения. Но между искусством Тарасовой и Хмелева здесь общения не меньше, чем в «Анне Карениной».

Хмелеву свойственен острый, иногда резкий рисунок: он — портретист, у которого силуэт изображаемого лица обрисовывается всегда с почти предельной четкостью. Хмелев — график, ставший живописцем. Не столько красками и колоритом, сколько совершенством рисунка, смелой точностью характеристики покоряют такие портреты, писанные Хмелевым, как князь («Дядюшкин сон») или царь Федор.

Наоборот, художественная сила портретов Тарасовой — в живописи: в богатстве колорита, в сочной полноте мазков, в общей верности живописного тона. В ее портрете Анны Карениной больше всего привлекает живописец с ее живой, волнующей экспрессией; в портрете Каренина, написанном Хмелевым, сильнее всего останавливает внимание

рисунком — острый, смелый, тонко выразительный.

В «Трех сестрах» произошло как бы творческое единение двух замечательных художников: Маша и Тузенбах — это портреты, где одинаково радуют прекрасная завершенность рисунка и тончайшее мастерство живописца, выдержанной в благородных, поистине чеховских тонах.

Хмелев и Тарасова в своем творчестве, так кровно связанном с Художественным театром, шли к одной цели — к мужественной правде, бесстрастно смотрящей в глаза жизни, — и, каждый своим путем, пришли к искусству, построенному на строгой мысли, на неподдельном чувстве и на глубокой связи с современностью.

Во время работы над «Анной Карениной» Вл. И. Немирович-Данченко писал о советском МХАТе:

«Он наполняет свои постановки крупными социальными, политическими идеями. Он хочет, чтобы они передавались зрителю через совершенную художественную форму, давая зрителю непосредственную и светлую радость. Он хочет подлинного социалистического гуманизма, наполненного любовью к труду, родине и человечеству и ненавистью к его врагам».

Есть глубокий исторический смысл в том, что одновременно вышедшие на творческий путь, одновременно почтенные званием народных артистов СССР Тарасова и Хмелев одновременно же сделались лауреатами Сталинских премий.

А. К. Тарасова и Н. П. Хмелев, пришедшие на сцену в эпоху Октябрьской революции, являются яркими представителями советского Художественного театра.

С. ДУРЫЛИН.